

Въ крови и пѣнѣ всѣ бока.
Но близко, близко. Вотъ и домъ,
На берегу Днѣпра крутомъ,
Предъ нимъ встаетъ изъ-за горы.
Заборы, избы и дры
Привѣтливо между собой
Тѣсняются пестрою толпой;
Лишь домъ боярскій между нихъ,
Какъ призракъ, сураченъ и тихъ...
Онъ въѣхалъ на широкій дворъ:
Все пусто... будто гладь иль моръ
Недавно пировали въ немъ.
Онъ слѣзъ съ коня, идетъ пѣшкомъ...
Толпа играющихъ дѣтей,
Испуганныхъ огнемъ очей,
Одеждой чуждой прилеца
И блѣдностью его лица,
Его встрѣчаетъ у крыльца
И съ крикомъ убѣгать прочь...
Онъ входитъ въ домъ; въ покояхъ ночь,
Закрываютъ ставни, полъ скрипитъ,
Пустая утварь дребежитъ
На старыхъ полкахъ лишь порой
Широкой, бѣлой полосой
Рисуясь на печи большой,
Проходитъ въ трещинѣ ставней
Холодный свѣтъ дневныхъ лучей.

И лѣстницу Арсенія зрять
Сквозь сумракъ. Онъ бѣжитъ, летитъ
Наверхъ, по шаткимъ ступенямъ;
Вотъ свѣтъ блеснулъ въ его очамъ;
Предъ нимъ замерзшее окно:
Оно давно растворено;
Сугробомъ собрался большимъ
Снѣгъ, нараставшій подъ нимъ...
Увы, знакомыя мѣста!
На лѣво дверь — но заперта;